

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Касаткина Константина Александровича на тему: ««Опыт словоистолкователя Оттоманской империи...» И. П. Липранди и образ Османской империи в российском нарративе первой – третьей четверти XIX в.», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по научной специальности 5.6.2. Всеобщая история

•

Диссертация К.А. Касаткина посвящена важной для современной историографии тематике, связанной с изучением механизмов формирования «образа чужого». В фокусе исследования – образы Османской империи и славянства в российском нарративе первой – третьей четверти XIX в.

Во введении автор формулирует актуальность, объект и предмет исследования, его хронологические и географические рамки, цель и задачи, анализирует литературу и источниковую базу по теме диссертации, обозначает положения, выносимые на защиту, дает характеристику используемому исследовательскому инструментарию. Структура диссертационного сочинения логична и полностью отвечает его цели и задачам.

Достоинством первой главы диссертации является то, что автору удалось на основании всестороннего учета историографической традиции и обширного круга источников восстановить биографию И.П. Липранди. Вообще профессиональная работа с рукописным материалом – сильная сторона диссертации К.А. Касаткина, который во втором параграфе первой главы дает не просто «источникедческое описание «Опыта словоистолкователя» И. П. Липранди» (название параграфа), но и проводит убедительную и масштабную реконструкцию всего творческого процесса, связанного с созданием этого сочинения. В фокусе второй главы диссертации сам текст «Опыта словоистолкователя». Можно согласиться с порядком

рассмотрения тем, предложенным К.А. Касаткиным (образ Турции и турок, образ болгар и сербов, эволюция представлений И.П. Липранди относительно сюжетов «Опыта словоистолкователя» в последующие годы жизни).

III глава диссертационного сочинения К.А. Касаткина называется «Способы описания европейских областей Османской Империи в российском нарративе 1800–1870-х гг.». Не совсем ясно, почему автор рассматривает тексты не в хорологической последовательности. В первом параграфе главы диссертант анализирует статьи трех энциклопедий 30-х-50-х гг. XIX столетия («Энциклопедический лексикон» А. А. Плюшара, 1835–1841 гг., «Военный энциклопедический лексикон» 1837–1850 гг. в 14 т. под редакцией барона Л. И. Зедделера и «Справочный энциклопедический словарь» 1847–1855 гг. в 12 т. А. В. Старчевского), но почему-то называет его ««Балканский полуостров» как понятие в российских энциклопедических словарях первой половины XIX в.». Зато во втором параграфе («Европейские области Османской империи в российских травелогах 1800–1830-х гг.»), отталкиваясь от материала первого параграфа обращается к травелогам первой трети XIX века, т. е. предшествующего периода. Впрочем, это обстоятельство не мешает диссертанту сделать ряд ценных наблюдений и в этих разделах работы. В частности, К.А. Касаткин показывает, как постепенно в текстах русских путешественников возникает «дискурс славянства», а южные славяне из Чужих превращались в Своих. Заключительный параграф главы показывает, как в этом контексте в 40–50 гг. XIX столетия началось формирование дискурса панславизма. Автор вполне обоснованно выдвигает предположение о том, что складыванию этой концепции способствовали внешнеполитические обстоятельства (прежде всего – Крымская война).

Ключевым выводом диссертации является утверждение автора о том, что «Дискурс Османской империи генетически был связан с европейским ориентализмом и предполагал точку зрения на христианских подданных султана как на Другого. Сочинениям о Европейской Турции, написанным в рамках дискурса Славянства, напротив, был свойственен взгляд на балканские

народы как на Своих». Согласно наблюдениям К.А. Касаткина, этот последний дискурс вытесняет ориенталистский взгляд на южных славян в русской публицистике, общественной мысли и политике к концу рассматриваемого периода. Как признается докторант, «чтобы выявить нарастающий антагонизм дискурсов Славянства и Османской империи, их борьбу за доминирование и, в конце концов, господство первого и практически полное исчезновение второго, понадобилось бы провести дополнительное исследование с привлечение широкого круга источников» (с.197). Однако, К.А. Касаткин решил пойти другим путем, сравнив разновременные труды И.П. Липранди, прияя к обоснованному выводу, о том, что Липранди пересмотрел свои взгляды в контексте общей эволюции российского нарратива об Османской империи и славянстве. Насколько правомерен такой исследовательский подход, сказать сложно. Наверное, технологически (с точки зрения трудозатрат исследователя) он вполне адекватен. Другое дело, что, например, контент-анализ периодики разных направлений (например, текстов «Северной пчелы», «Европейца», «Современника», «Сына Отечества» и пр.) мог бы наглядно показать не только эволюцию, но и археологию рассматриваемых дискурсов в контексте российской общественно-политической жизни.

В приложении к диссертации помещена «Схема редакций энциклопедии «Опыт словоистолкователя Оттоманской империи» И.П. Липранди и производных от неё работ», являющаяся результатом весьма продуктивных научных штудий автора.

Работу К.А. Касаткина отличает сочетание умелых источниковедческих штудий и смелых обобщений концептуального характера, в которых, впрочем, иногда присутствует некоторая категоричность. Например, автор многократно повторяет мысль о том, что «дихотомия Европа – Восток была заменена триптихом Запад – Россия – Восток» (см. напр., с.122). В целом я согласен с такой постановкой вопроса. Но объяснения К.А. Касаткина меня не вполне удовлетворяют. Так, аргументируя это положение, автор считает, что

российские элиты XVIII — начала XIX вв. «отвергали наследие допетровской Руси, а Российская империя фактически оказывалась государством без истории» и «такое положение дел сохранялось на протяжении всего XVIII в., пока в обществе господствовал миф о создании Петром I «новой России» (с.26). На мой взгляд, это слишком смелое утверждение. Во-первых, само оформление указанного мифа шло по мере «европеизации» России в трудах М.М. Щербатова, А.Н. Радищева, Н.М. Карамзина в последние десятилетия XVIII – начале XIX в. Во-вторых, как показано в современной историографии (см., например, недавнюю диссертацию В.В. Ткаченко «Допетровская Русь в исторической памяти XVIII века»), историческая культура XVIII в. была в огромной степени ориентирована именно на допетровскую Русь (да и не могла она быть ориентированной на что-то другое). Отмечу, что все «национальные истории» российских интеллектуалов XVIII – начала XIX вв. (В.Н. Татищев, М.М. Щербатов, И.Н. Болтин и пр. вплоть до Н.М. Карамзина) не случайно доходили не далее начала XVIII в. (а как правило, не дальше XVII в.), равно как и Синопсис, бывший главной печатной книгой по русской истории до начала XIX в. Осмысление истории «новой России» произошло уже в условиях новой идеологической ситуации и формирования нового мнемонического континуума в XIX столетии, когда, действительно «допетровская Русь» стала лишь предисловием истории «новой России». Иначе говоря, на мой взгляд, причина перехода от дицотомии к триптиху (в терминологии К.А. Касаткина) заключалась не в отрицании или в обращении к «древней истории» России, а в изменении представлений о желаемом будущем и конструируемом прошлым в последней трети XVIII – первой трети XIX вв. В общественном сознании происходит поляризация представлений о будущем страны и в России возникает мощный «антизападный» (антилиберальный/охранительный) проект, инвариантом которого был и дискурс панславизма. Этот проект, конечно, противостоял «западническому» и либеральному. События совсем недавней истории свидетельствуют о том, что подобного рода охранительные

проекты сохраняют свою силу, и, в этом, кстати, я вижу дополнительную актуальность данной диссертации.

Если автор будет готовить диссертацию к публикации в виде монографического исследования, хотелось бы, чтобы он с большим вниманием отнесся к оформлению научного аппарата. В особенности это касается рубрикации источников. Так, например, некоторые травелоги К.А. Касаткин относит к группе текстов «произведения художественной культуры», некоторые к «путевым запискам», некоторые к «историческим сочинениям» и т. п. Можно предположить, что такое происходит потому, что в основе выделения той или иной группы источников положены разные принципы. Впрочем, есть отдельные пункты списка источников, которые все равно остаются для меня не вполне ясными. Например, почему текст с названием, приводимым вопреки правилам в старой орфографии «Библиография. Русские книги // Литературная газета. 1830. №49. С. 105–106», относится у автора к мемуарам (кстати, вместе с «Философскими письмами» Вольтера)?

Мои рассуждения, разумеется, носят дискуссионный или технический характер и не сколько не влияют на общее, исключительно благоприятное впечатление диссертационной работы. Основные положения, выносимые на защиту, на мой взгляд, вполне аргументированы. Диссертация К. А. Касаткина – яркое исследование, свидетельствующее не только о профессиональной компетентности, но и высоком творческом потенциале автора как исследователя. Публикации К.А. Касаткина отражают содержание диссертации, материалы работы апробированы на конференциях всероссийского и международного уровня.

Таким образом, диссертация Касаткина Константина Александровича на тему: «Опыт словоистолкователя Оттоманской империи...» И. П. Липранди и образ Османской империи в российском нарративе первой – третьей четверти XIX в.» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней

в Санкт-Петербургском государственном университете», а соискатель Касаткин Константин Александрович заслуживает присуждения ученой степени кандидата наук по научной специальности 5.6.2. Всеобщая история Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не обнаружены.

Член диссертационного совета

доктор исторических наук, доцент
профессор кафедры истории России с древнейших
времен до XX в. Института истории СПбГУ



/Ростовцев Евгений Анатольевич/

19.09.2022